

Информация для цитирования:

Кружкова О. В. Вандально нанесенные тексты : потенциал «мягкой силы» / О. В. Кружкова, М. Р. Бабикова, С. Д. Робин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — с. 96—117. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117.

Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R., Robin, S. D. (2024). Vandalized Texts: Soft Power Potential. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 96-117. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-96-117. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Вандально нанесенные тексты: потенциал «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Кружкова Ольга Владимировна

orcid.org/0000-0002-2569-8789

кандидат психологических наук, доцент,
лаборатория перспективных
социосредовых исследований
galial1@yandex.ru

Бабикова Марина Рашитовна

orcid.org/0000-0003-0814-5936

кандидат филологических наук,
кафедра межкультурной коммуникации,
риторики, русского языка как
инострannого
mrbabikova@uspu.ru

Робин Сергей Дмитриевич

orcid.org/0000-0002-1920-4834

лаборатория перспективных
социосредовых исследований
robinseryi@gmail.com

Уральский государственный
педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

Vandalized Texts: Soft Power Potential

Olga V. Kruzhkova

orcid.org/0000-0002-2569-8789

PhD in Psychology, Associate Professor,
Laboratory of Advanced
Socio-Environmental Research
galial1@yandex.ru

Marina R. Babikova

orcid.org/0000-0003-0814-5936

PhD in Philology, Department
of Intercultural Communication, Rhetoric,
Russian as a Foreign Language
mrbabikova@uspu.ru

Sergey D. Robin

orcid.org/0000-0002-1920-4834

Laboratory of Advanced
Socio-Environmental Research
robinseryi@gmail.com

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01487,
<https://rscf.ru/project/23-28-01487/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Принимая во внимание повышенное загрязнение городских пространств вандальными преобразованиями, важно учитывать воздействие, которое они производят на наблюдателя. Цель исследования — выявление потенциала «мягкой силы» вандально нанесенных текстов через определение особенностей их восприятия и запоминания с учетом тематики текста и лингвистического приема, используемого для привлечения внимания. В качестве материалов привлекается 21 фотоизображение вандально нанесенных текстов, зафиксированных в пространстве среды крупных городов РФ, которые были использованы как стимульный материал. В основе исследования лежит изучение восприятия и запоминания вандально нанесенных текстов посредством лабораторного эксперимента с применением айтрекера (выборка — 20 человек). Выявлено, что от 19 до 67 % вандально нанесенных текстов запоминаются при единоразовом предъявлении (13 сек.). Наибольшая запоминаемость характерна для политических текстов, позитивную оценку имеют креолизованные тексты, основанные на языковой игре. Наиболее уязвимой для потенциала «мягкой силы» вандально нанесенных текстов является погружающая глазоувидательная стратегия респондентов. Авторы приходят к выводу о том, что вандально нанесенные тексты легко запоминаются, привлекая внимание наблюдателя особыми лингвистическими приемами организации текста.

Ключевые слова:

вандално нанесенные тексты; граффити; технология мягкой силы; запоминание текстов граффити; глазоувидательные стратегии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Considering the increased pollution of urban spaces by vandalistic transformations, it is important to take into account the impact they have on observers. The aim of this study is to identify the potential of “soft power” in vandalized texts by determining the characteristics of their perception and memorization, taking into account the theme of the text and the linguistic device used to attract attention. The study utilizes 21 photo images of vandalized texts recorded in the urban environment of major cities in the Russian Federation, which were used as stimulus material. The research is based on the examination of the perception and memorization of vandalized texts through a laboratory experiment using an eye-tracker (sample size — 20 individuals). It was found that 19 to 67% of vandalized texts are remembered upon single exposure (13 seconds). Political texts exhibit the highest memorability, while creolized texts based on language play receive positive evaluation. The most vulnerable to the potential of “soft power” in vandalized texts is the immersive eye-catching strategy of respondents. The authors conclude that vandalized texts are easily remembered, attracting the observer’s attention through unique linguistic devices in text organization.

Key words:

vandalized texts; graffiti; soft power technology; memorization of graffiti texts; eye-catching strategies.

Вандально нанесенные тексты: потенциал «мягкой силы»

© Кружкова О. В., Бабилова М. Р., Робин С. Д., 2024

1. Введение = Introduction

Современные города насыщены вандальными преобразованиями среды, которые производятся без надлежащих для этого санкций отдельными лицами или группами людей, реализующими неинституциональные практики «права на город», осуществляемые на уровне обживаемого урбанистического пространства

Современные города насыщены вандальными преобразованиями среды, которые производятся без надлежащих для этого санкций отдельными лицами или группами людей, реализующими неинституциональные практики «права на город», осуществляемые на уровне обживаемого урбанистического пространства [Лефевр, 2015; Радина и др., 2022]. В обыденном сознании вандально нанесенные изображения или тексты, стрит-арт и граффити не разделяются, то есть воспринимаются явлениями одного порядка [Курбатова и др., 2013]. Происходит это в том числе из-за того, что современное уличное искусство только начинает перерастать из маргинального движения в концептуальное искусство, заявляя о себе в городском пространстве зачастую без получения соответствующего разрешения [Acker, 2013], бросая «вызов устоявшимся нормам урбанистического поведения» [Архипова, 2016, с. 31]. Для дифференциации данных явлений предлагаются различные критерии, однако, на наш взгляд, определяющим здесь является признак санкционированности [Функции ..., 2018; Ten Eyck, 2016], нежели художественной ценности [Заславская и др., 2012] или социального позитивного отклика публики [Архипова, 2016]. «Несанкционированные художественные активности, то есть происходящие без законных процедур согласования, без учета мнений собственников преобразуемых объектов, автоматически становятся проявлениями вандализма» [Шугуров, 2023, с. 89]. В нашем исследовании под *вандально нанесенными текстами* мы будем понимать несанкционированно выполненные на поверхностях городской среды граффити различной тематической направленности.

Сами вандальные изменения приобретают различные формы: изображения, деформация и уничтожение объектов и пр. Но наиболее распространенную категорию представляют собой вандально нанесенные или несанкционированные тексты, к которым относятся тегирование, несанкционированная реклама, граффити. Их расположение в большинстве случаев делает данные тексты доступными для прочтения существенным числом невольных наблюдателей, чьи интересы, позиции, желания, установки могут быть как конгруэнтными содержанию подобных текстов, так и противоречить ему. Текст несет определенную смысловую нагрузку, и вандально нанесенные тексты по-разному могут воздействовать на людей [Halsey et al., 2002], могут трактоваться различным образом, в зависимости от собственного содержания или от опыта наблюдателя [Бабикова, 2023; Городской вандализм ..., 2021]. Сам факт наличия воздействия неоспорим даже при однократном столкновении наблюдателя с вандально нанесенным текстом, а, как правило, прочтения бывают не единичны при регулярном повторении маршрута или частом нахождении человека в определенной локации городского пространства. В этом контексте несанкционированные тексты целесообразно рассматривать в рамках концепции «мягкой силы» (soft power), то есть реализации технологии, способной скрыто формировать определенные состояния, потребности, незаметно корректировать мнения, оценки, настроения наблюдателя. Однако исследования в данной области крайне малочисленны и ограничены, как правило, изучением влияния самого факта наличия вандализма на чувство безопасности наблюдателя [Crosby et al., 2019; Women's safety, 2022; Jamme et al., 2018], а не воздействия содержания вандально нанесенных текстов на прочтывающего их.

Несанкционированные граффити не только нарушают целостность и благоустройство городских объектов, но и самовольно изменяют символические значения места и практики управления [Dovey et al., 2012; Young, 2005]. В отличие от произведений искусства, для просмотра которых человек осознанно приходит в музей, имея определенную мотивационную готовность, граффити принуждает наблюдателя к восприятию себя наравне с архитектурой или рекламой, но при этом вступает в противоречие с их регламентами, нарушает не только закон и социальные нормы, но и личные границы наблюдателя [Шугуров, 2023; Dovey et al., 2012].

На восприятие графических преобразований на улицах городов, безусловно, влияет контекст — то пространство и его смысловое наполнение, поведенческие активности, в котором находится граффити или иной вариант вандальных изменений. Вопрос значимости контекста для восприятия граффити был исследован австрийскими учеными, которые сравнивали глазодвигательную активность при восприятии современного искусства

в музее и в уличном пространстве. Обнаружилось, что время восприятия, субъективные оценки красоты и интереса к объектам современного искусства были существенно выше в ситуации музейной экспозиции, за исключением случаев восприятия граффити, где контекст не влиял на результат [Gartus et al., 2014]. Также было показано, что изначальная установка на предпочтение граффити или современного искусства предопределяет более высокий рейтинг соответствующего произведения. При этом самые высокие оценки эстетичности и интереса получали граффити, представленные на улице, и произведения современного искусства, представленные в музее (по сравнению с граффити, представленными в музее, или произведениями современного искусства, размещенными на улицах города) [Gartus et al., 2015].

Достаточно часто вандальные повреждения среды города воспринимаются как маркеры ее неблагополучия и небезопасности для людей, находящихся в ней [Crosby et al., 2019; Women's safety ..., 2022; Jamme et al., 2018], ассоциируются с преступностью [Halsey et al., 2002]. При этом при оценке глазовдвигательной активности обнаруживается увеличенное время пребывания взгляда на объектах, указывающих на неблагоустроенность городского пространства, и это касается не только его технических характеристик, но и оценки следовых эффектов от присутствия других людей, например, следов вандализма [Crosby et al., 2019]. Установлено, что задержки взгляда и его фиксации при прогулках в пространстве города также связаны с элементами уличного искусства, в том числе граффити [Mitschke et al., 2017]. Исследования особенностей задержки взгляда при восприятии граффити как вандально нанесенных текстов позволяют предположить, что призывы и послания, заложенные в них, имеют существенный воздействующий потенциал. Агрессивные, бесцеремонные, «вламывающиеся» в информационно-визуальное пространство города, односторонние и недиалогичные, явно не направленные на конкретного наблюдателя вандально нанесенные тексты являются метафорическими «выкриками» пропаганды [Архипова, 2016; Acker, 2013] и инструментом реализации «мягкой силы».

Используемые в вандально нанесенных текстах способы трансляции информации как посредством визуальных изменений, так и с помощью иных смысловых компонентов (супраграфемные средства, переключение языковых кодов, использование небуквенных символов / знаков, включение рисунков в текстовое поле, трансляция философских размышлений или дискурсивных элементов) формируют привлекающее и удерживающее внимание смысловое пространство, что отвечает требованиям технологии «мягкой силы», которая заключается в достижении стратегических целей без обращения к внешнему материализованному давлению или насилию.

Технология «работает» на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях, активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления [Русакова, 2010]. Таким образом, вандально нанесенные тексты могут иметь выраженный потенциал «мягкой силы», под которым мы понимаем совокупность возможностей и средств данной технологии для ненасильственного достижения поставленной цели посредством изменения установок, желаний, устремлений и ценностей реципиентов, новое поведение которых, воспринимаемое ими как внутренне иницируемое, и будет итоговым результатом действия технологии (Joseph Samuel Nye Jr.) [Цит. по: Леонова, 2018, с. 101—102].

Целью представленного исследования стало выявление потенциала «мягкой силы» вандально нанесенных текстов через установление особенностей их восприятия и запоминания респондентами с учетом тематики текста и лингвистического приема, используемого для привлечения внимания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Теоретическая рамка исследования. Исследование построено на основе понимания вандально нанесенных текстов как несанкционированно созданных в пространстве города воздействующих на наблюдателя стимулов [Архипова, 2016; Acker, 2013; Gartus et al., 2014; Gartus et al., 2015], транслирующих определенные ценности, установки, позиции и настроения [Функции вандализма ..., 2018] с применением лингвистических приемов привлечения внимания [Бабикова, 2023; Кружкова и др., 2023; Литвин, 2017], за счет которых реализуется их воздействующий потенциал «мягкой силы» [Леонова, 2018; Русакова, 2010].

Материалы. Исследование проводилось на основе материалов, собранных в рамках процедуры фотофиксирования реальных вандальных актов в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Челябинске и других мегаполисах РФ. Изначально из картотеки авторов, содержащей 2000 фотографий, было отобрано 21 изображение вандально нанесенных текстов. Изображения отбирались с учетом читабельности текста, качества изображения, многообразия тематик (бытийная — Б, политическая — П, религиозная — Р), лингвистических приемов привлечения внимания (языковая игра — ЯИ, дискурсивный текст — Д, философствование — Ф [Кружкова и др., 2023]). Отобранный стимульный материал был подготовлен для демонстрации на айтрекере (фотографии вандально нанесенных текстов в естественной городской среде, занимающие одинаковую площадь на экране и предъявляемые с одинаковой яркостью). Порядок следования изображений определялся через рандомизированный отбор, но был одинаков

для всех респондентов. Для снижения краевого эффекта в начале демонстрации и в конце демонстрации были добавлены по два изображения бомбингового характера, то есть художественно изображенных аббревиатур, которые впоследствии не анализировались.

Выборка. В исследовании приняли участие 20 представителей молодежи Екатеринбурга в возрасте от 20 до 30 лет ($X_{\text{ср}} = 23,95$), из них 10 девушек и 10 юношей. Каждый участник исследования заполнял информированное согласие на проведение окулографического исследования неинвазивным методом, а также согласие на демонстрацию ему вандально нанесенных текстов различного содержания.

Методы. Исследование проводилось с применением стационарного айтрекера Tobii Pro Spectrum с частотой дискретизации 150 Hz. Стимульный материал демонстрировался на экране ЖК монитора Eizo FlexScan EV245, разрешение экрана 1920x1080. Расстояние от глаз испытуемых до поверхности экрана 53—63 см. После проведения процедуры калибровки каждому участнику исследования предъявлялась и проговаривалась инструкция. Далее демонстрировались 25 изображений с вандально нанесенными текстами. Каждое изображение на экране монитора находилось 13 секунд, вход на изображение осуществлялся единообразно принудительно с белого слайда с фиксированной точкой внимания, расположенной за пределами установленных границ изображений. По завершении работы на айтрекере участники исследования заполняли анкету, где им предлагалось указать через воспроизведение на запомнившиеся вандально нанесенные тексты, а также отметить, какие из запомнившихся текстов вызвали негативные или позитивные эмоции.

Ограничения экспериментального исследования. Ситуация восприятия вандально нанесенных текстов в условиях естественной городской среды и поведенческой активности человека в ней существенно отличается от пространства лабораторного эксперимента. В силу данного обстоятельства целесообразно рассматривать результаты, полученные в ходе представленного исследования, как «идеальные», то есть освобожденные от контекста и позволяющие оценить влияние характеристик вандально нанесенных текстов (их длину, тематику, лингвистические приемы привлечения внимания, визуальную организацию и креолизованность) на их восприятие и запоминание участниками исследования, то есть на реализацию потенциала «мягкой силы». Безусловно, в условиях естественной городской среды данный потенциал будет реализован иначе, ослабляясь или усиливаясь иными объективными обстоятельствами (местом расположения, размером и заметностью изображения, контекстом его предъявления, динамикой и практиками управления самой городской средой и пр.).

Методы математико-статистической обработки данных. Обработка результатов осуществлялась на базе статистического пакета IBM SPSS Statistics 19. Были применены частотный анализ и описательные статистики, ANOVA, корреляционный анализ Пирсона, иерархический кластерный анализ, сравнительный анализ для независимых выборок Стьюдента, таблицы сопряженности (критерий Хи-квадрат).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Анализ запоминаемости вандально нанесенных текстов

В проведенном исследовании запоминаемость изображений с вандально нанесенными текстами оценивалась через их воспроизведение, то есть наличие целенаправленного припоминания текста с изображения (или его части, позволяющей соотнести его с определенным изображением) без дополнительных стимулов и особых усилий со стороны участника исследования. В среднем респонденты воспроизводили $7,3 \pm 2,7$ изображений с вандально нанесенными текстами, где минимум — 4 воспроизведенных изображения, 14 — максимум воспроизведенных изображений (рис. 1).

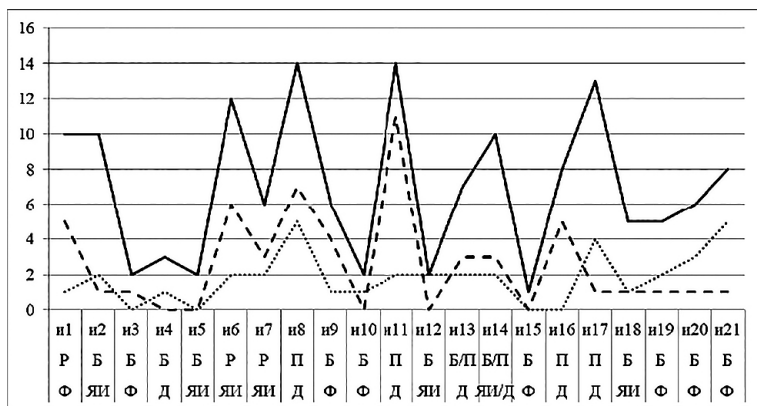

Рис. 1. Профиль частоты запоминания (воспроизведения) изображений с вандально нанесенными текстами

Примечание: сплошная линия — общее число воспроизведений, пунктирная линия — частота воспроизведений с указанием на негативные эмоции, точечная линия — частота воспроизведений с указанием на положительные эмоции.

Наибольшей запоминаемостью обладают тексты политической тематики, отражающие остроту социальной ситуации, а также зачастую содержащие яркий эмоциональный посыл (в том числе через использование оскорблений), а среди наименее запоминаемых текстов фигурируют, как

правило, тексты бытийной направленности, что подтверждается результатами ANOVA: Levene's test: $F=0,035$ при $p=0,966$; характеристики модели $F=12,98$ при $p<0,001$, $R^2=61,9\%$, $X_{\text{ср.Б}}=4,33$, $X_{\text{ср.П}}=12,25$, $X_{\text{ср.Р}}=9,33$ (случаи смешанных типов не учитывались).

Лингвистический же прием, используемый для привлечения внимания, особого значения для запоминания и воспроизведения вандажно нанесенного текста не имеет (ANOVA: Levene's test: $F=0,920$ при $p=0,418$; характеристики модели $F=2,76$ при $p=0,092$).

Общая запоминаемость вандажно нанесенных текстов взаимосвязана с эмоционально насыщенным запоминанием, что подтверждается корреляционным анализом. Так, общая частота воспроизведения связана с частотой воспроизведения с указанием на негативные эмоции ($r=0,746$ при $p<0,001$), а также с частотой воспроизведения с указанием на позитивные эмоции ($r=0,599$ при $p=0,004$). Частота воспроизведения изображений с указанием на негативные эмоции и с указанием на позитивные эмоции между собой не взаимосвязаны ($r=0,180$ при $p=0,435$). Тем не менее общее число эмоционально валентных воспроизведений достаточно точно предсказывает в целом частоту запоминания и воспроизведения изображений с вандажно нанесенными текстами (регрессионная модель: $F=61,93$ при $p<0,001$, $R^2=75,3\%$, $\beta=0,875$ при $p<0,001$).

Применение иерархического кластерного анализа позволило выделить группы вандажно нанесенных изображений в зависимости от их запоминаемости (табл. 1). Всего было выделено 5 кластеров, изображения в которых имели специфические особенности, определяющие общую динамику их запоминания. Порядок следования кластеров представлен в соответствии с дендрограммой, математически построенной в ходе проведения иерархического кластерного анализа.

Первый кластер — изображения со средней запоминаемостью и относительно сбалансированностью позитивной и негативной эмоциональной валентности. В данный кластер попали все вандальные тексты на религиозную тематику (например, «Кто сын еретика — тот не друг Христу!»), а также философские тексты, раскрывающие аспекты бытийности человека (например, «Жизнь — это шутка, и я смеюсь, хотя на самом деле юмора не понял»). По составу данные вандажно нанесенные тексты имеют не более 15 слов в каждом случае.

Второй кластер представлен изображениями с минимальной запоминаемостью, однако в плане эмоциональных оценок здесь преобладают позитивные реакции над негативными. Изображения данного кластера в основ-

1 Здесь и далее пунктуация и орфография вандажно нанесенных текстов представлена в соответствии с их презентацией в городской среде.

Таблица 1

Результаты разделения изображений вандално нанесенных текстов
на кластеры по запоминанию и их описательные статистики

№ кластера	Номер изображения	Прием привлечения	Тематика	Дендрограмма	Средняя частота воспроизведения по кластеру		
					общая	негативные	позитивные
1	1	Р	Ф	1	7,43	2,71	2,29
	6	Р	ЯИ	6			
	4	Б	Д	4			
	7	Р	ЯИ	7			
	13	Б/П	Д	13			
	20	Б	Ф	20			
2	21	Б	Ф	21	2,71	0,43	0,86
	10	Б	Ф	10			
	19	Б	Ф	19			
	3	Б	Ф	3			
	5	Б	ЯИ	5			
	18	Б	ЯИ	18			
3	12	Б	ЯИ	12	7,00	4,50	0,50
	15	Б	Ф	15			
4	9	Б	Ф	9	13,67	6,33	3,67
	16	П	Д	16			
5	11	П	Д	11	10,00	2,00	2,00
	17	П	Д	17			
	8	П	Д	8			
	2	Б	ЯИ	2			
	14	Б/П	ЯИ/Д	14			

ном относится исключительно к бытийной тематике и основаны на приемах языковой игры или философствования. Существенные затруднения в запоминании указанных текстов вызывало то, что они многословны (некоторые содержат несколько десятков слов) и / или требуют дополнительной когнитивной нагрузки как для их прочтения, так и для понимания заложенных в них смыслов. Тем не менее изображения данного кластера наиболее инте-

ресны в контексте технологий «мягкой силы», поскольку эти тексты преимущественно воспринимаются как вызывающие позитивные эмоции, с одной стороны, с другой — они ориентированы на интеллектуального читателя, способного «разгадать» послание с повышенной когнитивной трудностью, возникающей за счет приемов языковой игры или философствования.

Третий кластер состоит из двух изображений, которые объединяет высокая сложность прочтения как из-за выбранных шрифтов («наивное письмо» с существенно искаженным или «детским» написанием букв), так и из-за неочевидности смысла сообщения (набор неразделенных пробелами слов или неоконченные предложения). Данные изображения имеют среднюю степень запоминаемости, но при этом основной реакцией на них являются негативные эмоции.

Четвертый кластер представлен изображениями на политическую тематику, имеющими наиболее высокую запоминаемость и воспроизводимость. Здесь, как и в предыдущем случае, преобладают негативные эмоциональные оценки изображений. Данные вандально нанесенные тексты характеризуются лаконичностью (2—5 слов), использованием оскорбительной лексики и дополнительным усилением смысловой нагрузки через применение символических изображений.

Пятый кластер состоит из изображений с относительно высокой запоминаемостью, обращенных к теме межличностных отношений (детско-родительских, романтических), эмоциональная оценка которых сбалансирована. Длина текстов здесь составляет 3—6 слов, однако их прочтение и осмысление требует дополнительной когнитивной нагрузки со стороны наблюдателя.

Результаты анализа запоминаемости вандально нанесенных текстов показали существенные различия в воспроизведении в зависимости от их тематики. Наиболее часто запоминаются политические вандально нанесенные тексты, которые злободневны, отражают тревоги и надежды просматривающего изображение молодого человека. «Выразительность протестного письма, а также объем покрытых им поверхностей значительно увеличивается в периоды социальных трансформаций» [Скиперских, 2014, с. 108], что соотносится с актуальной социально-политической ситуацией. Лаконичность и относительная широкая распространенность политических вандально нанесенных текстов, то, что они «на слуху», приводят к более простому их запоминанию при разовой демонстрации и воспроизведению при необходимости. Однако, как отмечает У. С. Швиндт, не все вандально нанесенные тексты (граффити) воспринимаются обывателями именно в политическом контексте. Политическую ориентацию нелегального стрит-арта чаще замечают эксперты (люди, профессионально сопря-

женные с уличным искусством), для обывателей большое значение имеет эстетическая сторона изображения или креолизованного текста. «Явная политизированность и злободневность «отпугивают» жителей и кажутся слишком агрессивными» [Швиндт, 2021, с. 112]. Это созвучно с нашими результатами: именно политические вандально нанесенные тексты вызывают у респондентов не просто запоминание их содержания, но и самый значительный негативный эмоциональный отклик. Для горожан, по данным социологического исследования У. С. Швиндт, большую ценность представляют граффити с гуманистическим и эстетическим контекстом, направленные на «освещение “вечных” вопросов, содержащие юмор и вызывающие улыбку» [Швиндт, 2021, с. 112]. В рамках нашего исследования это также находит свое подтверждение, поскольку доминирующие позитивные эмоциональные реакции респонденты демонстрировали по отношению к вандально нанесенным текстам бытовой тематики с применением лингвистических приемов управления вниманием по принципу языковой игры (текст как шарада) или философствования.

3.2. Анализ восприятия вандально нанесенных текстов

Позитивный отклик имеют в целом вандально нанесенные тексты с использованием лингвистического приема привлечения внимания «языковая игра». Для проведения качественного анализа восприятия изображений с вандально нанесенными текстами с учетом зон внимания и траекторий движения взгляда были выбраны три изображения креолизованных текстов, в основу которых положен прием языковой игры, ориентированной на разгадывание «шарады», ребуса, зашифрованного сообщения или части его смысла [Литвин, 2017]. В целом данные тексты могут трактоваться как имеющие множественный смысл индивидуальной интерпретации при их прочтении наблюдателем и ориентированные на удержание внимания наблюдателя или повторный возврат его внимания для полного их понимания.

Изображение «Делай добро и беги (домой)» (рис. 2-а): здесь языковая игра реализована посредством стилистической фигуры — антитезы. Основной смысл фразы заключается в сокрытии совершения добрых дел как высоконравственной установке. Однако текст, выстроенный на основе антитезы, вызывает у адресатов особый интерес и провоцирует возникновение дополнительных смыслов благодаря соединению контрастных действий. Кроме того, такая форма вандализма способна провоцировать развитие диалога, что представлено в данном примере: «делай добро» — это фрагмент, созданный одним автором, «и беги домой» — это дополнение, внесенное другим человеком. Также часть фразы «делай добро» дополнена буквой «з», которая может трактоваться как подпись автора или в рамках иных смысловых (например, политических) нагрузок.

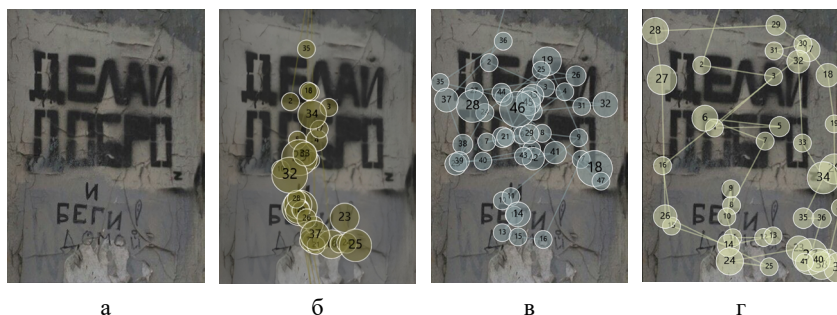

Рис. 2. Примеры стратегий глазодвигательной активности на изображении вандально нанесенного текста «Делай добро и беги домой!»

При восприятии данного изображения респонденты продемонстрировали три стратегии движения глаз. Первая стратегия (рис. 2-б) — вертикальное прочтение текста (саккадические движения преимущественно сверху вниз, без фиксации на всех элементах графического вандализма); вторая стратегия (рис. 2-в) — соединение смыслов (множественные саккадические движения между каждым элементом креолизованного текста); третья стратегия (рис. 2-г) — соединение смыслов и средовое любопытство (множественные саккадические движения между всеми элементами, а также оценка взглядом «холста»), когда респондент не только полностью просматривает текст и все его элементы, но и пытается определить, где этот текст расположен, для более полного понимания смысловых нагрузок и возникающих нюансов понимания. Связь между применяемой стратегией и запоминанием отсутствует ($\chi^2=5,231$ при $p=0,073$), однако есть различие между первой и второй стратегией в длительности самой большой фиксации (Levene's test: $F<0,001$ при $p=0,993$; T-test: $t=-2,852$ при $p=0,011$). Так, при стратегии вертикального прочтения среднее время самой длительной фиксации в два раза больше, чем при стратегии соединения смыслов ($X_{\text{ср1}}=1847,67\text{мс}$; $X_{\text{ср2}}=967,39\text{мс}$), что может свидетельствовать о «зависании» на одном месте при затруднении в понимании смысла текста и изображения в целом респондентами, продемонстрировавшими первую стратегию восприятия.

«Искусство вне рамок» (рис. 3-а). Языковая игра в данном граффити реализуется благодаря игре воображения, возможной из-за визуальной части — рамки. Сама рамка формируется за счет иллюзорного (субъективного) контура, описанного G. Kanizsa [Захаров, 2015; Kanizsa, 1955]. Текст усиливает иллюзию и «программирует» наблюдателя на когнитивный поиск рамок, которых на самом деле нет.

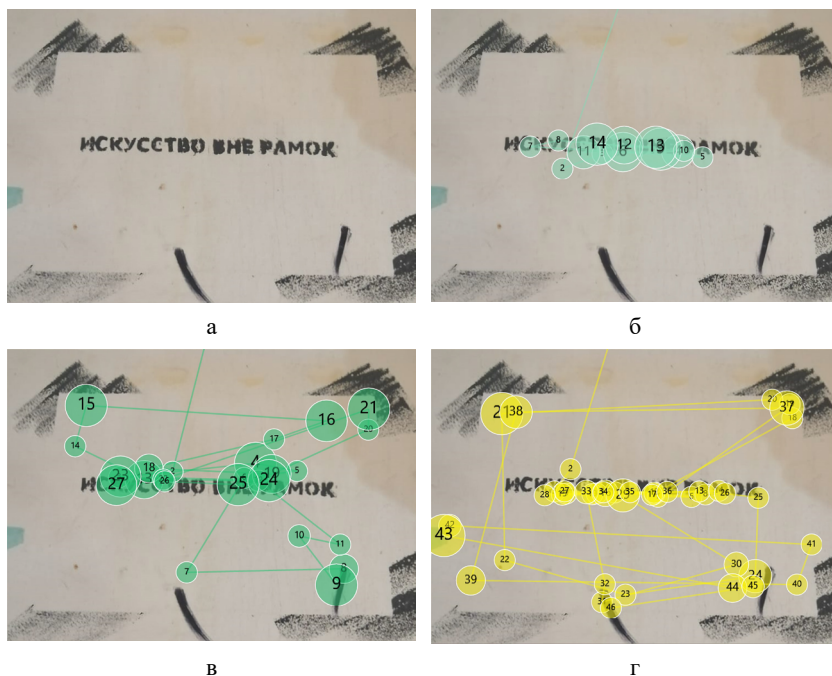

Рис. 3. Примеры стратегий глазодвигательной активности на изображении вандально нанесенного текста «Искусство вне рамок»

При восприятии данного изображения респонденты продемонстрировали три стратегии движения глаз. Первая стратегия (рис. 3-б) — игнорирование программы, текст читается вне визуального контекста и определенной иллюзорной рамки; вторая стратегия (рис. 3-в) — частичное следование программе (саккадические движения не до конца очерчивают иллюзорный контур); третья стратегия (рис. 3-г) — полное выполнение программы (саккадические движения глаз полностью очерчивают контур, также присутствуют элементы пространственного любопытства, когда саккады выходят за пределы иллюзорной рамки изображения). Связь между применяемой стратегией и запоминанием отсутствует ($\chi^2=1,217$ при $p=0,544$), однако наблюдается статистически значимое различие в среднем времени самой длительной фиксации между респондентами, демонстрирующими первую и третью стратегию (Levene's test: $F=4,049$ при $p=0,069$; T-test: $t=2,840$ при $p=0,016$). Так, при стратегии игнорирования программы среднее время самой длительной фиксации в три раза больше, чем при стратегии полного выполнения программы ($X_{cp1}=2669,00$ мс; $X_{cp3}=834,57$

мс), что может свидетельствовать о фиксации на одном месте при затруднении в понимании смысла текста и использованного приема языковой игры у респондентов, продемонстрировавших первую стратегию.

«Свобода слова». Языковая игра в рассматриваемом варианте также основана на сочетании разных семиотических кодов: вербальном и визуальном (рис. 4). Прочтение смысла граффити, заложенного автором, возможно только благодаря целостному восприятию, так как вербальный и визуальный компоненты в данном примере находятся в поддерживающей корреляции.

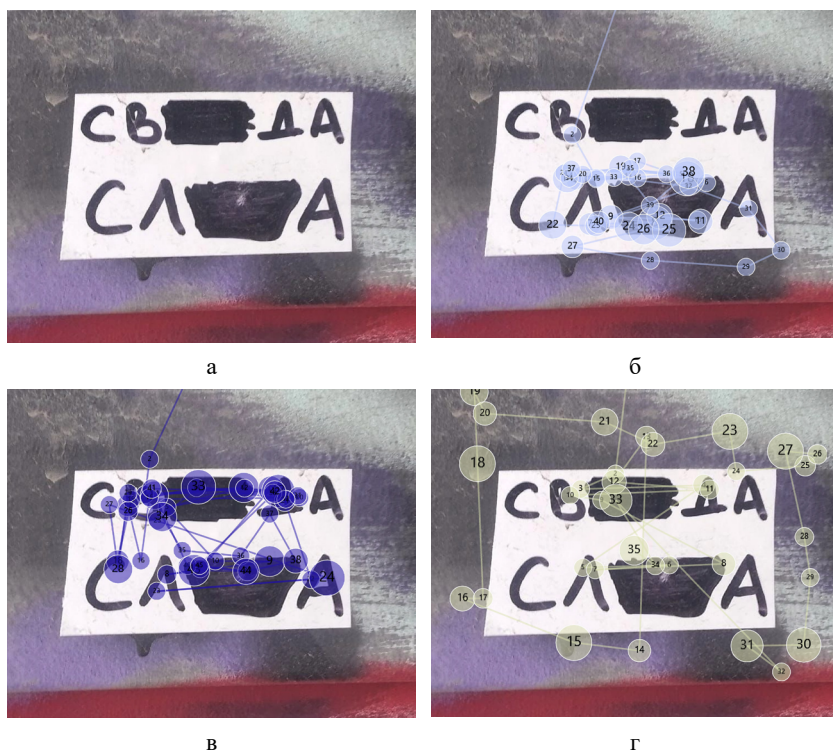

Рис. 4. Примеры стратегий глазодвигательной активности на изображении вандально нанесенного текста «Свобода слова»

При восприятии данного изображения респонденты продемонстрировали три стратегии движения глаз. Первая стратегия (рис. 5-6) — фрустрация — длительные фиксационные дрейфы перед закрашенной (спрятанной) буквой слова, что свидетельствует о существенных затруднениях в прочтении текста и, следовательно, понимании его смысла. Вторая стра-

тегия (рис. 5-в) — разгадывание — длительные фиксационные дрейфы перед закрашенной буквой, а также множественные саккадические движения между словами и пропущенной буквой свидетельствуют о поиске решения для скрытых букв текста, соотнесении слов между собой для восстановления смысловой нагрузки целостного креолизованного текста. Третья стратегия (рис. 5-г) — легкое угадывание и средовое любопытство — демонстрирует беглое прочтение текста без особых затруднений, понимание его смысла и проявление средового любопытства для формирования представлений о расположении текста. Связь между применяемой стратегией и запоминанием отсутствует ($\chi^2=2,593$ при $p=0,274$), однако наблюдается статистически значимое различие в среднем времени первой фиксации на изображении между респондентами, демонстрирующими вторую и третью стратегию (Levene's test: $F=0,795$ при $p=0,392$; T-test: $t=-2,320$ при $p=0,041$). Так, при стратегии разгадывания среднее время первой фиксации несколько меньше, чем при стратегии легкого угадывания ($X_{\text{ср2}}=153,40$ мс; $X_{\text{ср3}}=198,00$ мс).

Опираясь на специфику глазодвигательной активности при восприятии вандално нанесенных текстов с использованием приемов языковой игры, можно предложить типологию стратегий прочтения и оценить связанный с ними потенциал технологии «мягкой силы»:

1. Упрощенная стратегия: линейное прочтение текста, ознакомление с элементами осуществляется последовательно и длительно, возникает ощущение «залипания» на отдельных фрагментах графических повреждений, что обусловлено непониманием отдельных частей и тем более креолизованного текста в целом. В данной ситуации адресату сложно уловить смысл, который был заложен автором, что в итоге приводит к непониманию идеи граффити и его игнорированию. Кроме того, концентрация внимания только на отдельной области графического повреждения провоцирует ограниченный режим восприятия текста, без учета всего объема информации. Таким образом, попытки считать смысл сводятся к минимуму, полученная из граффити информация не усваивается, и человек с большой долей вероятности забывает увиденное. В такой ситуации прагматический потенциал технологии «мягкой силы» минимальный и имеет силу только в ситуации влияния на посвященного читателя.

2. Погружающая стратегия (познающая): адресат просматривает все элементы и считывает скрытые смыслы. Данная стратегия требует от человека большего внимания, включенности, в связи с чем у адресата случается инсайт, а такой опыт имеет высокую субъективную ценность. Адресат в данном случае принимает условия игры создателя текста и участвует в ней, такое положение дел способствует запоминанию информации: «Сам

процесс и результат дешифровки игрового кода доставляет реципиенту удовольствие, подкрепляет запоминание» [Адясова и др., 2017, с. 38]. Такой способ знакомства с текстом вполне способен на длительное время задерживаться в сознании человека, оказывать влияние на его мнение и участвовать в процессе формирования новых индивидуальных когнитивных схем. В данном случае потенциал технологии «мягкой силы» будет реализован в полном объеме, так как при таком прочтении адресат способен эмоционально реагировать на содержание провокационного материала.

3. Стратегия средового любопытства характеризуется просмотром и фиксацией не только конкретного текста, но и всего, что окружает. С одной стороны, это эффективная стратегия: смысл усложняется за счет другого контекста; с другой — она поверхностная, так как происходит рассеивание и короткие фиксации внимания. В данном случае оценка потенциала технологии «мягкой силы» мало предсказуема, так как непонятно, что может перейти в долгосрочную память адресата в виде «мозаичного» варианта восприятия смыслов.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Вандально нанесенные тексты даже при разовом предъявлении в течение 13 секунд запоминаются и воспроизводятся респондентами по окончании демонстрации всего корпуса изображений достаточно хорошо (от 19 % до 67 % воспроизведенных вандально нанесенных текстов отдельными участниками исследования).

2. Относительно тематики наибольшей запоминаемостью для респондентов обладают политические тексты по сравнению с бытовыми или религиозными. При этом используемый лингвистический прием для привлечения внимания (языковая игра, философствование или дискурсивный текст) не взаимосвязан с успешностью запоминания и воспроизведения данных текстов.

3. Все продемонстрированные в ходе исследования вандально нанесенные тексты могут быть разделены на 5 групп по запоминаемости и выраженности эмоциональной валентности их субъективной оценки участниками исследования. В ходе кластеризации были выделены дополнительные факторы, значимые для запоминания вандально нанесенных текстов: длина и разборчивость текста, наличие законченной и очевидной мысли в содержании, использование приемов креолизации.

4. Единственная группа вандально нанесенных текстов, чья средняя позитивная эмоциональная оценка превалирует над негативной, — это бы-

товые креолизованные тексты, где используется преимущественно лингвистический прием языковой игры.

Анализ стратегий глазодвигательной активности при восприятии вандално нанесенных текстов с использованием языковой игры позволяет выделить три обобщенные (типичные) стратегии: упрощенная, погружающая (познающая) и стратегия средового любопытства. При этом у погружающей стратегии наблюдается наибольшая уязвимость для реализации потенциала «мягкой силы» вандално нанесенных текстов и их смысловой нагрузки, призывов, высказываний в связи с выраженной когнитивной активностью респондента по познанию самого текста и всех его смысловых нагрузок.

<p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.</p> <p>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.</p> <p>The authors declare no conflicts of interests.</p>
--	--

Литература

1. *Адясова О. А.* Реклама как Текст воздействия : графический код языковой игры / О. А. Адясова, Т. А. Гридина // Филологический класс. — 2017. — № 4 (50). — С. 37—43. — DOI: 10.26710/fk17-04-05.
2. *Архипова Н. А.* Восприятие граффити в городском пространстве-китч или искусство? / Н. А. Архипова // Гуманитарные основания социального прогресса : Россия и современность. — Москва : Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. — Ч. 2. — С. 30—35. — ISBN 978-5-87055-356-6.
3. *Бабикова М. Р.* Элементы языковой игры в графических повреждениях городского пространства / М. Р. Бабикова // Язык. Право. Общество. — Пенза : Пензенский государственный университет, 2023. — С. 48—50. — ISBN 978-5-907666-76-4.
4. *Городской вандализм в восприятии молодежи : эмпирическое исследование атрибуции его причин* / К. В. Злоказов, Ю. М. Караяни, А. Г. Караяни, А. В. Шахматов // Психология и право. — 2021. — Т. 11. — № 3. — С. 77—93. — DOI: 10.17759/psylaw.2021110306.
5. *Заславская А. Ю.* «Стрит-арт» или искусство уличных интервенций / А. Ю. Заславская, М. М. Серова // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. — 2012. — № 1. — С. 11—16.
6. *Захаров И. М.* Низкоуровневые и высокоуровневые процессы в восприятии иллюзорных контуров / И. М. Захаров // Теоретическая и экспериментальная психология. — 2015. — № 3. — С. 83—101.
7. *Кружкова О. В.* Социально-психологические механизмы реализации soft-power потенциала вандално нанесенных текстов / О. В. Кружкова, М. Р. Бабикова // Социальная психология : вопросы теории и практики. — Москва : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. — С. 436—438. — ISBN 978-5-94051-289-9.
8. *Курбатова Т. Н.* Граффити : субкультура или вандализм / Т. Н. Курбатова, Р. С. Васильева // Психология и право. — 2013. — № 2. — С. 22—32.

9. *Лефевр А.* Производство пространства / А. Лефевр. — Москва : Strelka Press, 2015. — 432 с. — ISBN 978-5-906264-41-1.
10. *Леонова О. Г.* Джозеф Най и «мягкая сила» : попытка нового прочтения / О. Г. Леонова // Социально-гуманитарные знания. — 2018. — № 1. — С. 101—114.
11. *Литвин Е. А.* Граффити в итальянских городах как лингводидактический материал / Е. А. Литвин // Язык и текст. — 2017. — Т. 4. — № 3. — С. 87—107. — DOI: 10.17759/langt.2017040310.
12. *Радина Н. К.* Реализуя право на город : интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбаномимов нестоличных мегаполисов) / Н. К. Радина, Д. А. Крупная // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 5. — С. 172—195. — DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2098.
13. *Русакова О. Ф.* Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии / О. Ф. Русакова // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. — 2010. — № 10. — С. 173—192.
14. *Скиперских А. В.* Поверхности протеста : особенности политического письма в современной России / А. В. Скиперских // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 108—113.
15. *Функции вандализма в молодежном поведении : от личности к обществу* / О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов, Б. Зарбова // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — № 10. — С. 95—120. — DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120.
16. *Швиндт У. С.* Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) / У. С. Швиндт // Koinon. — 2021. — Т. 2. — № 2. — С. 100—115. — DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005.
17. *Шугуров П. Е.* Уличное искусство Владивостока. Причины отсутствия / П. Е. Шугуров // Первая открытая научная конференция исследователей стрит-арта в рамках III Форума уличного искусства. — Санкт-Петербург : Институт исследования стрит-арта, 2023. — С. 87—94. — ISBN 978-5-6041429-6-7.
18. *Acker Ch. P.* Flip the script A Guidebook for Aspiring Vandals and Typographers / Ch. P. Acker. — New York : Gingko Press in association with Upper Playground, 2013. — 224 p. — ISBN 978-1-58423-460-9.
19. *Carrington V.* I write, therefore I am : texts in the city / V. Carrington // Visual Communication. — 2009. — № 8 (4). — Pp. 409—425. — DOI: 10.1177/1470357209343356.
20. *Cresswell T.* Place : A Short Introduction Place : A Short Introduction / T. Cresswell. — Oxford : Blackwell, 2004. — 153 p. — ISBN 1405106719.
21. *Crosby F.* Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime / F. Crosby, F. Hermens // Quarterly Journal of Experimental Psychology. — 2019. — № 72 (3). — Pp. 599—615. — DOI: 10.1177/1747021818769203.
22. *Diniz M. A.* Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil : The broken promises of broken windows theory / M. A. Diniz, C. S. Mark // Applied Geography. — 2021. — № 131 (2). — Pp. 102459. — DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102459.
23. *Dovey K.* Placing Graffiti : Creating Character in Inner-city Melbourne / K. Dovey, S. Wollan, I. Woodcock // Journal of Urban Design. — 2012. — № 17 (1). — Pp. 21—41. — DOI: 10.1080/13574809.2011.646248.
24. *Gartus A.* The effects of visual context and individual differences on perception and evaluation of modern art and graffiti art / A. Gartus, N. Klemer, H. Leder // Acta Psychologica. — 2015. — № 156. — Pp. 64—76. — DOI: 10.1016/j.actpsy.2015.01.005.

25. *Gartus A.* The white cube of the museum versus the gray cube of the street : The role of context in aesthetic evaluations / A. Gartus, L. Helmut // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. — 2014. — № 8. — Pp. 311—320. — DOI: 10.1037/a0036847.
26. *Halsey M.* The meanings of graffiti and municipal administration / M. Halsey, A. Young // *Australian and New Zealand Journal of Criminology*. — 2002. — № 35. — Pp. 165—186. — DOI: 10.1375/acri.35.2.165.
27. *Jamme H.-T. W.* Between “broken windows” and the “eyes on the street:” Walking to school in inner city San Diego / H.-T. W. Jamme, D. Bahl, T. Banerjee // *Journal of Environmental Psychology*. — 2018. — № 55. — Pp. 121—138. — DOI: 10.1016/j.jenvp.2018.01.004.
28. *Kanizsa G.* Margini quasi-percettivi in campi con stimolazione omogenea / G. Kanizsa // *Rivista di Psicologia*. — 1955. — № 49 (1). — Pp. 7—30.
29. *Mitschke V.* Exploring everyday encounters with street art using a multimethod design / V. Mitschke, J. Goller, H. Leder // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. — 2017. — № 11 (3). — Pp. 276—283. — DOI: 10.1037/aca0000131.
30. *Ten Eyck T. A.* Justifying graffiti : (Re)defining societal codes through orders of worth / T. A. Ten Eyck // *The Social Science Journal*. — 2016. — № 53 (2). — Pp. 218—225. — DOI: 10.1016/j.soscij.2014.11.007.
31. *Women’s safety* perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS / I. Gargiulo, X. Garcia, M. Benages-Albert, J. Martinez, K. Pfeffer, P. Vall-Casas // *Landscape and Urban Planning*. — 2022. — № 198 (4). — Pp. 103779. — DOI: 10.1016/j.landurbplan.2020.103779.
32. *Young A.* Judging the Image : Art, Value, Law / A. Young. — London : Routledge, 2005. — 208 p. — ISBN 9780415301848.

*Статья поступила в редакцию 02.01.2024,
одобрена после рецензирования 03.03.2024,
подготовлена к публикации 18.03.2024.*

References

- Acker, Ch. P. (2013). *Flip the script A Guidebook for Aspiring Vandals and Typographers*. New York: Ginkgo Press in association with Upper Playground. 224 p. ISBN 978-1-58423-460-9.
- Adyasova, O. A., Gridina, T. A. (2017). Advertising as a text of influence: the graphic code of a language game. *Philological class*, 4 (50): 37—43. DOI: 10.26710/fk17-04-05. (In Russ.).
- Arkhipova, N. A. (2016). Perception of graffiti in urban space -kitsch or art? In: *Humanitarian foundations of social progress: Russia and modernity*, 2. Moscow: Moscow State University of Design and Technology. 30—35. ISBN 978-5-87055-356-6. (In Russ.).
- Babikova, M. R. (2023). Elements of the language game in graphic damages of urban space. In: *Language. Right. Society*. Penza: Penza State University. 48—50. ISBN 978-5-907666-76-4. (In Russ.).
- Carrington, V. (2009). I write, therefore I am: texts in the city. *Visual Communication*, 8 (4): 409—425. DOI: 10.1177/1470357209343356.
- Cresswell, T. (2004). *Place: A Short Introduction Place: A Short Introduction*. Oxford: Blackwell. 153 p. ISBN 1405106719.

- Crosby, F., Hermens, F. (2019). Does it look safe? An eye tracking study into the visual aspects of fear of crime. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 72 (3): 599—615. DOI: 10.1177/1747021818769203.
- Diniz, M. A., Mark, C. S. (2021). Graffiti and crime in Belo Horizonte, Brazil: The broken promises of broken windows theory. *Applied Geography*, 131 (2): 102459. DOI: 10.1016/j.apgeog.2021.102459.
- Dovey, K., Wollan, S., Woodcock, I. (2012). Placing Graffiti: Creating Character in Inner-city Melbourne. *Journal of Urban Design*, 17 (1): 21—41. DOI: 10.1080/13574809.2011.646248.
- Functions of vandalism in youth behavior: from personality to society. (2018). *Education and Science*, 20 (10): 95—120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120. (In Russ.).
- Gartus, A., Klemer, N., Leder, H. (2015). The effects of visual context and individual differences on perception and evaluation of modern art and graffiti art. *Acta Psychologica*, 156: 64—76. DOI: 10.1016/j.actpsy.2015.01.005.
- Gartus, A., Helmut, L. (2014). The white cube of the museum versus the gray cube of the street: The role of context in aesthetic evaluations. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 8: 311—320. DOI: 10.1037/a0036847.
- Halsey, M., Young, A. (2002). The meanings of graffiti and municipal administration. *Australian and New Zealand Journal of Criminology*, 35: 165—186. DOI: 10.1375/acri.35.2.165.
- Jamme, H.-T. W., Bahl, D., Banerjee, T. (2018). Between “broken windows” and the “eyes on the street:” Walking to school in inner city San Diego. *Journal of Environmental Psychology*, 55: 121—138. DOI: 10.1016/j.jenvp.2018.01.004.
- Kanizsa, G. (1955). Margini quasi-percettivi in campi con stimolazione omogenea. *Rivista di Psicologia*, 49 (1): 7—30. (In Ital.).
- Kruzhkova, O. V., Babikova, M. R. (2023). Socio-psychological mechanisms of realization of soft-power potential of vandally applied texts. In: *Social psychology: questions of theory and practice*. Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University. 436—438. ISBN 978-5-94051-289-9. (In Russ.).
- Kurbatova, T. N., Vasilyeva, R. S. (2013). Graffiti: subculture or vandalism. *Psychology and Law*, 2: 22—32. (In Russ.).
- Lefevre, A. (2015). *Production of space*. Moscow: Strelka Press. 432 p. ISBN 978-5-906264-41-1. (In Russ.).
- Leonova, O. G. (2018). Joseph Nye and “soft power”: an attempt at a new reading. *Socio-humanitarian knowledge*, 1: 101—114. (In Russ.).
- Litvin, E. A. (2017). Graffiti in Italian cities as a linguodidactic material. *Language and text*, 4 (3): 87—107. DOI: 10.17759/langt.2017040310. (In Russ.).
- Mitschke, V., Goller, J., Leder, H. (2017). Exploring everyday encounters with street art using a multimethod design. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 11 (3): 276—283. DOI: 10.1037/aca0000131.
- Radina, N. K., Krupnaya, D. A. (2022). Realizing the right to the city: interpretations and nomination of urban objects by citizens (based on the material of ergourbanonyms of non-metropolitan megacities). *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5: 172—195. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2098. (In Russ.).
- Rusakova, O. F. (2010). The concept of “soft power” in modern political philosophy. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 10: 173—192. (In Russ.).

- Schwindt, U. S. (2021). Aesthetic and problematic orientation of street art in the perception of the urban population (on the example of Yekaterinburg). *Koinon*, 2 (2): 100—115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005. (In Russ.).
- Shugurov, P. E. (2023). Street art of Vladivostok. Reasons for absence. In: *The first open scientific conference of street art researchers within the framework of the III Street Art Forum*. St. Petersburg: Institute of Street Art Research. 87—94. ISBN 978-5-6041429-6-7. (In Russ.).
- Skiperskikh, A. V. (2014). Surfaces of protest: features of political writing in modern Russia. *Political linguistics*, 1: 108—113. (In Russ.).
- Ten Eyck, T. A. (2016). Justifying graffiti: (Re)defining societal codes through orders of worth. *The Social Science Journal*, 53 (2): 218—225. DOI: 10.1016/j.soscij.2014.11.007.
- Urban vandalism in the perception of youth: an empirical study of attribution of its causes. *Psychology and Law*, 11 (3): 77—93. DOI: 10.17759/psylaw.2021110306. (In Russ.).
- Women's safety perception assessment in an urban stream corridor. Developing a safety map based on qualitative GIS. (2022). *Landscape and Urban Planning*, 198 (4): 103779. DOI: 10.1016/j.landurbplan.2020.103779.
- Young, A. (2005). *Judging the Image: Art, Value, Law*. London: Routledge. 208 p. ISBN 9780415301848.
- Zakharov, I. M. (2015). Low-level and high-level processes in the perception of illusory contours. *Theoretical and experimental psychology*, 3: 83—101. (In Russ.).
- Zaslavskaya, A. Yu., Serova, M. M. (2012). “Street art” or the art of street interventions. The messenger of the SSASU. *Urban planning and architecture*, 1: 11—16. (In Russ.).

*The article was submitted 02.01.2024;
approved after reviewing 03.03.2024;
accepted for publication 18.03.2024.*